

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 15, Критика реакции читателей

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Мы закончили несколько сессий, обсуждая текстоцентрированные подходы к интерпретации. На последнем занятии я указал, что мы перейдем к другому аспекту третьего аспекта коммуникации, а именно к подходам, ориентированным на читателя. Мы также говорили, что структурализм, который был одним из характерных подходов тексто-критического или текстоцентрированного подходов, уступил место постструктурализму, который демонстрирует проблемы, выходящие за пределы структурализма, и часто постструктурализм отождествляется с более постмодернистскими подходами к герменевтика и библейское толкование.

Например, просто, хотя можно было бы сказать гораздо больше, чтобы подвести итог, постмодернистские подходы к интерпретации часто рассматриваются как характеризующиеся рядом особенностей. Я лишь выделяю три из них. Номер один — это плюрализм, герменевтический плюрализм в подходе к тексту, то есть подходе к знанию и смыслу.

То есть не существует ни мировоззрения, ни религиозной веры, ни интерпретации реальности, которая вырисовывалась бы как правильная, а вместо иерархии существует эффект выравнивания, при котором нет интерпретации реальности или смысла, которые выступают в качестве правильного. Часто, согласно постмодернистским подходам, смысл часто рассматривается как сила и часто рассматривается как злоупотребление властью с целью утверждения, что существует один правильный смысл. Существует нивелирующий эффект, заключающийся в том, что нет правильного значения, подхода или интерпретации.

Во-вторых, в рамках постмодернистских подходов одна из их общих черт заключается в том, что смысл рассматривается как нагруженный ценностями, то есть не существует такой вещи, как объективная, нейтральная интерпретация текста, но каждый привносит свои собственные предрасположенности и своя собственная точка зрения и свой собственный взгляд на интерпретацию библейского текста, то, что он ценит, что он находит в тексте, что он хочет найти. И, наконец, в-третьих, читательские сообщества формируют нашу точку зрения и то, как мы интерпретируем библейские тексты. Итак, еще раз, наша культура, сообщества, к которым мы принадлежим, неизбежно будут влиять и определять то, как мы читаем библейский текст.

Но в рамках постмодернистских подходов или постструктурных подходов к интерпретации я хочу в этом разделе сосредоточиться на одном подходе, в частности, на подходе, ориентированном на читателя, то есть, как мы сказали, чтобы еще раз репетировать своего рода исторически и логически как развивалась герменевтика и библейское толкование. Герменевтика логически и исторически прошла через три основных аспекта процесса коммуникации, начиная с исторического и автороцентрированного подходов, которые подчеркивают создание текста и роль автора в создании текста. Целью было раскрыть задуманный автором смысл.

Поскольку это считалось невозвратимым, ненужным или даже невозможным, фокус сместился на текстоцентрические подходы, где сам текст стал локусом значения. Но, тем не менее, из-за некоторых трудностей, связанных с этим, а также из-за неспособности какой-либо методологии проявиться как центральное или окончательное прочтение или смысл текста или объективное прочтение текста, это уступило место подходам, ориентированным на читателя,

которые мы начну говорить о сейчас. То есть основным локусом смысла теперь является читатель и его способность интерпретировать текст.

Итак, критика реакции читателя, как часто называют этот фокус или этот подход к интерпретации, включает в себя ряд подходов, которые мы рассмотрим, ряд возможных подходов. Но главная цель всех форм критики реакции читателей заключается в том, чтобы читатели понимали тексты. И снова, неспособность тексто-центрированных подходов и даже автор-центрированных подходов обеспечить объективный смысл теперь приводит к читатель-центрированным подходам, где смысл должен быть результатом взаимодействия читателя с текстом.

Именно читатель понимает текст. Согласно автороцентрическому подходу, иначе говоря, согласно автороцентрированному подходу, текст имел жизнь, данную ему автором. Автор нес ответственность за жизнь текста и постановку текста.

Таким образом, при автороцентрическом подходе к тексту автор дал жизнь тексту. Согласно текстоцентрическим подходам, текст жил своей собственной жизнью. Но согласно подходам, ориентированным на читателя, тексты не имеют жизни до тех пор, пока читатели не дадут им жизнь, прочитав текст.

Другими словами, читатель несет ответственность за определение смысла, за поиск смысла в тексте или даже за создание смысла в тексте. Читатель несет ответственность за определение того, что встречается в тексте. Следовательно, критика реакции читателя или подходы реакции читателя к интерпретации.

Опять же, при таком подходе в лучшем случае текст имеет лишь смысловые потенциалы. В тексте есть только потенциал значения, который читатель теперь

должен открыть или создать. Другими словами, в рамках исторических подходов, особенно подходов, ориентированных на автора, а точнее, если вернуться еще дальше к более просвещенным или рациональным подходам, читатель часто рассматривался как объективный, почти пассивный наблюдатель.

Помните, мы говорили о паре моделей: читатель с пустым умом или чистый лист, ожидающий сенсорного восприятия текста, или читатель, похожий на пустую, сухую губку, ожидающую, чтобы впитать данные посредством чистой индуктивности. рассуждения. Можно просто интерпретировать текст с помощью чистой индукции, и его интерпретация будет соответствовать тому, что находится в тексте. Так что автора воспринимали почти как пассивного наблюдателя.

В то время как в подходах с ответом читателя читатель более активно читает текст, интерпретирует его и является активным агентом в создании смысла в тексте. Большинство согласится, что их как минимум два, и я бы добавил, возможно, третий подход, который можно отнести к категории критики реакции читателей. И появились два важных подхода, которые, по крайней мере, большинство признает, два возможных подхода к критике реакции читателей — это более консервативный подход, как его часто называют, и более радикальный подход.

Мы рассмотрим их через минуту. Но я думаю, что есть и третий подход, а именно то, что критика реакции читателя может сосредоточиться на историческом читателе, то есть на первоначальных читателях, для которых текст был предназначен. Таким образом, можно задать вопрос: что бы подумали первоначальные читатели книги Исаяи, или первоначальные читатели книги Царств, Первого и Второго Царств, или первоначальные читатели книги Матфея,

или письма Павла к Галатам, что бы подумали о тексте первоначальные читатели? Как бы они это поняли? Таким образом, с этой точки зрения критика реакции читателей может охватывать исторических читателей, первоначальных читателей текста, и спрашивать, как бы они это поняли и как они интерпретировали бы текст.

Так что это своего рода критика в ответ читателям первого или пятого века до нашей эры, задавшая вопросы читателям-историкам. Однако более заметную критику в его ответах читателей было то, что некоторые назвали более консервативной реакцией читателей, которую часто связывают с литературным критиком Вольфгангом Изером, и то, что он предположил, - это то, что некоторые назвали реакцией читателя, ориентированной на текст. или почти направляемая автором реакция читателя на критику, или подход к интерпретации текста. То есть сам текст подсказывает читателю, как его следует читать.

Другими словами, существуют ограничения на то, что читатель может делать с текстом. Итак, Изер подумал, что да, автор, читатели вовлечены в смысл и его открытие, и им следует использовать творческий подход, но есть ограничения, налагаемые самим текстом. По мнению Изера, в текстах есть пробелы, оставленные автором, которые читатель должен заполнить, чтобы понять смысл текста, и читатель должен заполнить эти пробелы, чтобы из текста мог появиться смысл.

Но опять же, сам текст накладывает ограничения на то, как это происходит. Сам текст устанавливает границы процесса чтения. Изер также ввел понятие подразумеваемого читателя, или идеального читателя, то есть читателя, предполагаемого текстом, с которым физический читатель должен идентифицироваться, чтобы прочитать текст.

И опять же, некоторые называют это скорее критикой реакции читателя, направляемой текстом, или критикой реакции читателя, направляемой автором. То есть это не так, читатель не полностью автономен, читатель не волен делать с текстом все, что хочет. Смысл и чтение не являются чем-то открытым для всех или просто в глазах смотрящего, но автор предлагает творческую интерпретацию со стороны читателя.

Интересным примером того, как это может работать, особенно с точки зрения заполнения пробелов в тексте, является то, что это может означать при чтении чего-либо, такого текста, как повествование о рождении из Евангелия от Луки, глава 2, или так называемое Рождество Христово. история. И когда вы думаете об этом, возвращаетесь и читаете это, интересно, сколько пробелов нам пришлось заполнить, чтобы понять смысл текста. Итак, вы начинаете с текста, который помещает события рождения Иисуса в греко-римскую историю, так что она начинается в те дни, когда Цезарь Август был императором мира, а затем раздается призыв к обложению налогом всего мира в то время.

И Квириний также был правителем Сирии в тот период, так что это задает исторический фон. Но затем текст начинает довольно быстро прыгать и оставляет ряд пробелов, которые читатели заполнили. Все начинается с того, что Иосиф приходит из Галилеи, из города Назарета в Иудею, а затем в город Давида, называемый Вифлеем, и приходит со своей женой Марией, беременной ребенком, но затем происходит следующее: они были там, она рождает ребенка.

Это ничего вам не говорит, ничего не говорит о том, как образовался разрыв и какова его длина, ничего не говорит вам о том, как они туда попали. Мы часто заполняем эти пробелы, представляя, ехали ли Мария и Иосиф в караване? Они

прошли сами? Мы часто изображаем Иосифа, ведущего осла вместе с Марией. Родила ли Мэри сразу же, как только приехала? Были ли они там в течение длительного периода времени? Текст нам ничего не говорит, и мы часто заполняем эти пробелы.

Когда нам сообщается, что ребенок был завернут в одежду и лежал в яслях, нам не говорят, как они попали в эти ясли, нам не говорят, где они находятся. Опять же, мы восполняем пробелы, конструируя различные сценарии, иногда исходя из традиции, исходя из собственного опыта, что где-то были ясли, амбар или сарай, куда бы пошли Мария и Иосиф, но в тексте этого нет. расскажите нам, когда они это сделали или почему они это сделали. Из-за неправильного перевода одного из слов в текстах мы часто представляем, как Мария и Иосиф идут в гостиницу или гостиницу, но свободных мест не остается, и нам не говорят точно, почему это так, но мы представляем себе сценарий, в котором они сходите в сарай или конюшню, где есть ясли, где наконец родился Иисус.

Интересно, однако, что это слово, переведенное на, используется в других местах Евангелия от Луки для обозначения комнаты для гостей. Итак, более вероятно, что Мария и Иосиф пошли бы в дом родственников и остались в комнате для гостей? Более того, нам не сказано, что, хотя ребенок лежит в яслях, нам не сказано, где именно это было, нам не сказано, что они оставались в этих яслях все время. Мы часто представляем, как Мария и Иосиф находятся в яслях все время, пока они находятся в Вифлееме, и рожают Иисуса, но возможно ли, что они остались бы в комнате для гостей, а когда пришло время рожать, они бы ушли? в единственное изолированное место, которое они смогли найти, и это были бы ясли, или, извините, это была бы конюшня, в которой были бы эти ясли, эта кормушка .

Некоторые археологические находки позволяют предположить, что это могло быть что-то вроде чулана или навеса возле дома. Опять же, нам не сказано, провели ли Мария и Иосиф там все время? Они были в гостевой комнате? А дальше в тексте сказано, что когда пришло время рожать, она родила ребенка, положила его в ясли, потому что в гостевой комнате не было места. Возможно ли, что они какое-то время оставались в гостевой комнате, а потом, когда схватки приблизились и пришло время рожать, в гостевой комнате были другие люди, а там было слишком тесно, и они пошли в единственное место, где можно было хоть сколько-нибудь уединиться, и это была конюшня.

Опять же, нам не сказали точно. Есть много пробелов, которые мы обязательно заполняем, чтобы понять текст во время его чтения. И опять же, моя цель не в том, чтобы предлагать, как нам следует читать Евангелие от Луки и повествование, повествование о рождении, а в том, чтобы продемонстрировать, как мы, читатели, творчески заполняем пробелы и пытаемся осмыслить историю во 2-й главе Евангелия от Луки. Чтобы привести пару примеров более консервативного подхода к критике реакции читателей, опять же, в первую очередь используя примеры из Нового Завета, один человек по имени Роберт Фаулер, исследователь Нового Завета, проанализировал повествования о кормлении, о насыщении 4000 и 5000 человек. в 6-й и 8-й главах Марка, и он анализирует ее с точки зрения читателя, впервые встречающего текст, и того, каково это читать текст впервые.

И один из распространенных подходов к повествованиям о кормлении, где Иисус кормит 5000 или Лука 4 и 5000, заключается в том, чтобы читать их в евхаристическом контексте, имеет евхаристический подтекст, т.е. есть ссылка на Вечерю Господню. Но Фаулер снова хочет задать вопрос, каково читать текст с точки зрения читателя, впервые сталкивающегося с ним? И он обращает внимание на тот факт, что Евхаристия или Вечеря Господня не происходит до тех

пор, пока в повествовании, в процессе чтения, не произойдет то, что происходит до тех пор, пока мы не доберемся до 14-й главы Евангелия от Марка. Итак, согласно Фаулеру, он говорит, что приходить незаконно к тексту и чтению его с точки зрения начинающего читателя, чтобы прочитать о насыщении 4000 и 5000 у Марка из евхаристического контекста или евхаристической обстановки, поскольку это произойдет только на более позднем этапе процесса чтения.

Другим примером может служить книга Откровения, предполагающая идеального читателя. Как будто автор предполагает определенного читателя, с которым он хочет, чтобы читатели, настоящие буквальные читатели, идентифицировали себя, и это тот, кто способен читать книгу Откровения в постоянной интертекстуальной связи с Ветхим Заветом. Таким образом, идеальный или компетентный читатель Откровения, как предполагает автор, — это тот, кто может провести связи с текстом Ветхого Завета, а также тот, кто осознает и уловит ветхозаветные иллюзии и ветхозаветные связи, которые можно найти в книге Откровение. .

И на самом деле, автор иногда даже создает впечатление, что читатель повышает компетентность на протяжении всей книги Откровения, используя открытые ссылки на текст Ветхого Завета. Один из способов описать более консервативный подход к критике реакции читателей — сравнить его с точечной критикой. Некоторые из вас могут быть знакомы иногда с детскими книжками-раскрасками, а иногда с нашими газетами и в разделах газеты, где вы найдете кроссворды или мультфильмы, вы можете найти точку-точку, где вы найдете это место в книге, и там это будет серия пронумерованных точек, и вас попросят соединить точки, а затем появится своего рода картинка.

Более консервативный подход к реагированию читателей можно сравнить с методом «точка-точка». Точки есть, но вы, как читатель, должны их соединить, а

цифры помогут вам соединить их. Возможно, лучшей аналогией может быть то, что для консервативного подхода к ответам читателей это не идеальная аналогия, а аналогия может быть поточной, в которой некоторые точки пронумерованы, а другие нет, что дает вам немного свободы соединять их и творить.

Другими словами, вас направляют. Существуют ограничения на то, что вы можете создать, но есть немного свободы, чтобы в конце концов создать картину. Другими словами, вы не можете создать любую картинку, какую захотите, а вместо этого руководствуетесь самим текстом в том, что вы обнаруживаете в нем.

Так что не все получится. Так что это более консервативный подход к критике реакции читателей. По-прежнему подчеркивая роль читателя, творчество читателя, чтобы заполнить пробелы в чтении текста, но все же накладывая ограничения на то, что читатель может делать, руководствуясь текстом или руководясь автором.

Более радикальный подход к критике реакции читателей связан, в частности, с одним человеком, человеком по имени Стэнли Фиш. И Стэнли Фиш наиболее известен: любое чтение, которое вы прочитаете в ответ на критику читателей, вы познакомите со Стэнли Фишем, который наиболее известен своей работой под названием «Есть ли текст в этом классе?» Случайному читателю такая формулировка может показаться довольно странной, но именно это лежит в основе такого подхода. То есть читатели создают смысл и, если пойти ещё дальше, читатели создают тексты.

То есть, по мнению Стэнли Фиша, текст и смысл не существуют сами по себе. Таким образом, в отличие от подходов, ориентированных на автора, автор не

создает текст и смысл. В отличие от подходов, ориентированных на текст, здесь не существует текста, автономного текста, существующего сам по себе.

Но вместо этого, согласно радикальной критике читателей, которую отстаивает Стэнли Фиш, текста вообще нет. Но вместо этого читатели создают текст. Отсюда и название его работы: «Есть ли текст в этом классе?» Класс отвечает за создание смысла, за создание текста.

Таким образом, смысл, безусловно, находится в глазах смотрящего или читателя. Именно читатели не просто понимают смысл текста, но и фактически создают текст. Они определяют, что делать с текстом или что делать при его интерпретации.

Если использовать аналогию «точка-точка», которую мы использовали в предыдущем примере, если консервативный подход к ответам читателей можно сравнить с «точкой-точкой», которая имеет некоторую нумерацию, которая поможет вам понять, как вы их соединяете, радикальный подход Ответ читателя будет состоять из точек за точками, разбросанных точек вообще без цифр, так что вы можете просто создать свою собственную картинку в соответствии с тем, что вы хотите сделать. Или еще одним способом сравнения другой аналогии может быть тест с чернильными пятнами, когда человек смотрит на него и его спрашивают, что он видит. Что вы видите в этой серии клякс? Часто это в глазах смотрящего, того, кто это читает.

Таким образом, текст можно рассматривать как кучу разбросанных точек, которые человек просто соединяет по своему выбору. Таким образом, то, как вы их соедините, будет определять создаваемую картину. Так что точки сами по себе ничего не значат, пока вы не соедините их и не создадите картину.

По сравнению с тем, когда несколько сессий назад мы рассматривали некоторые исторические корни герменевтики в эпоху Просвещения и в период рационализма и акцента на человеческом разуме, интерпретация часто рассматривалась как субъект, овладевающий объектом. Произошло разделение между субъектом, то есть интерпретатором, и объектом, которым является текст. При прочтении критики реакции читателя это разделение на субъект и объект, то есть на читателя и текст, устраняется и растворяется.

Вместо этого текст становится больше, если использовать другую аналогию, текст становится больше похож на зеркало. Оно просто отражает, кто я и что я хочу видеть в тексте. Это просто отражает то, как я воспринимаю вещи.

Это отражает мою собственную точку зрения, которую я привношу в текст. Таким образом, текст как сущность, текст как отдельный объект для Стэнли Фиша выпадает из картины. Мы уже говорили, что такой подход в известном смысле предвосхищает уже Иммануил Кант.

Мы говорили о нем еще в некоторых наших исторических исследованиях по герменевтике и о важном вкладе, который Кант внес в интерпретацию. Но в каком-то смысле эта радикальная критика реакции читателей доводит идеи Иммануила Канта до логического и крайнего завершения. То есть мы сказали, что Кант сказал, что все, что мы можем знать, — это то, что он назвал явлениями.

То есть все, что мы можем знать, — это то, как мы воспринимаем вещи. Мы не можем знать что-то таким, какое оно есть на самом деле. Мы не можем знать что-то само по себе.

Но знание фильтруется через сетки и категории, которые уже присутствуют в уме. Другими словами, для Канта человек не мог быть уверен, что его понимание и знание обязательно точно коррелируют с объективным тем, как что-то было на самом деле. Итак, еще раз, когда я смотрю на эту книгу, я не могу быть уверен в том, что это такое на самом деле само по себе, а только в том, как я это воспринимаю.

Мое знание об этом, мое восприятие этого фильтруется через сетку и категории моего разума. Что касается Канта, он, похоже, считал, что в целом у людей есть схожие, универсальные, схожие категории, которые позволяют им понимать и обретать смысл. Но рыба, радикальная критика ответа читателя доводит это до логической крайности и предлагает их, потому что все не так, потому что мы не можем знать что-то само по себе таким, какое оно есть.

Стэнли Фиш сказал, что тогда мы не сможем знать текст таким, какой он есть на самом деле. Но вместо этого наше понимание этого определяется исключительно нашим восприятием этого. И более того, он предположил, однако, что каждый, каждый читатель воспринимает вещи по-своему.

Итак, каждый переводчик, по мнению рыбы, тогда в каждом переводчике будет видеть вещи по-разному, в зависимости от перспективы, которую он привносит в текст. Опять же, текст подобен зеркалу, отражающему то, что я уже привношу в текст. Тогда, по мнению Фиша, поскольку мы воспринимаем текст только как читатели, он сказал бы, что интерпретация исходит из текста, текста сначала не существует, а затем мы его читаем, он бы сказал, что интерпретация исходит из текста.

Поэтому предполагать, что существует правильный смысл текста, который я могу понять, применяя правильные методы интерпретации, для него является

авторитарным по отношению к авторитарному. Вы не можете сказать мне, что я могу сделать с текстом. Но вместо этого, как читатель, я создаю смысл.

Так , например, можно предположить, что различные тысячелетние подходы к интерпретации Откровения 20 и стихов с первого по шестой являются результатом того, что читатели находят то, что хотят. Таким образом, читатели понимают текст, и никакая интерпретация не является правильной. Таким образом, согласно этому подходу, никакая интерпретация тысячелетнего отрывка не является правильной и не связана с тем, что задумал автор.

Теперь возникает один очевидный вопрос, который поднимает этот подход: существуют ли какие-либо ограничения или ограничения и смысл, или это просто бесплатно для всех, или можно что угодно? Стэнли Фиш предположил, что небо — это не предел, и ничто не ограничивается им, он предположил, что существуют ограничения для правильной интерпретации. Но вопрос в том, каковы ограничения? Каковы критерии правильной интерпретации? Что направляет или ограничивает интерпретацию? По мнению Стэнли Фиша, ответом было интерпретативное сообщество, к которому человек принадлежит. Таким образом, сообщество, к которому я принадлежу, определяет правильный подход к тексту или определяет ценности и подходы, убеждения, которые я привнесу в текст, и то, как я буду его читать.

Таким образом, наше чтение — это просто расширение убеждений сообщества, его ценностей, его интересов и их подхода к тексту. Итак, правильное прочтение текста опять-таки не то, которое соответствует замыслу автора, не то, которое соответствует тексту, а то, которое соответствует и определяется интерпретативным сообществом, к которому я принадлежу. И снова можно задаться вопросом: не поэтому ли кальвинисты читают шестую часть еврейского текста определенным образом? Или именно поэтому амилленаристы или

премилленаристы читают Откровение 20 определенным образом? Потому что сообщество, к которому они принадлежат, определяет то, что они найдут в тексте.

Приведу пару очень и очень кратких примеров радикального подхода – прочтения ответной критики. Ряд переводчиков были заинтересованы в простом чтении, например, текстов Ветхого Завета, таких как Пророки, в свете марксистской идеологии. Опять же, они не заинтересованы в попытках установить исторический смысл текста, по мнению автора, но они вполне счастливы применить современную идеологию и современное мышление и вчитать их в библейский текст.

Или еще один интересный пример, возвращающийся к притчам о блудном сыне: отец, блудный сын и старший сын рассматриваются в одном интерпретативном подходе как соответствующие ид, эго и суперэго Зигмунда Фрейда. И опять же, цель не в том, каков правильный смысл этого текста с точки зрения автора и исторического контекста или структуры текста, а просто в том, чтобы читатель создал смысл в тексте. И поэтому, когда этот подход часто доходит до крайности, иногда можно обнаружить совершенно разные, а иногда и странные для нас прочтения библейского текста.

Итак, что нам следует сказать об этом подходе с точки зрения оценки, имея в виду как более консервативные подходы к прочтению ответной критики, так и особенно более радикальные подходы к прочтению ответной критики. Мне кажется, что субъективный характер подхода, иногда неконтролируемый характер, особенно более радикальных подходов к реагированию читателей, безусловно, противоречит взгляду на библейский текст как на вдохновенное слово Божие, которому Бог намеревается затем передать смысл. своим читателям, где он ожидает от нас понимания, он ожидает, что мы ответим

послушанием. Радикальные подходы, полностью релятивизирующие смысл текста как исключительно достояние читателя, кажутся мне противоречащими библейскому тексту, пониманию текста как слова Бога к Своему народу.

Бог действует в истории, чтобы общаться со своим народом и ожидает, что он ответит послушанием. Итак, один из вопросов, поднятых критикой в ответах читателей, заключается в следующем: есть ли смысл вне меня самого, который я обязан открыть? Является ли текст зеркалом, которое просто отражает то, что я привношу в текст, или текст больше похож на окно, в котором есть смысл, который я могу обнаружить? Каким бы грязным ни было окно, каким бы треснутым оно ни было, каким бы облачным оно ни было, я все еще могу видеть сквозь него, и вне меня все еще есть смысл, который Бог ожидает, что Его народ обнаружит и отреагирует на него соответствующим послушанием. Во-вторых, радикальный подход Фиша к критике реакции читателя и интерпретации, согласно многим оценкам, не учитывает и не объясняет, как кто-то на самом деле может изменить свое мнение и точку зрения в результате прочтения текста.

Если текст — это просто зеркало, отражающее то, что я в него вношу, и я могу делать с ним все, что хочу, то как получается, что некоторые читатели изменяются и трансформируются в результате чтения текста? Напрашивается даже вопрос, а зачем вообще текст? Зачем автору писать текст? Зачем вообще текст, если он вообще является зеркалом, отражающим то, что я думаю и что я в любом случае привношу в него, а также смысл и интерпретацию, которыми я уже обладаю. В связи с этим не только как вы объясните, как трансформируются читатели, но и как люди, используя язык интерпретативного сообщества, как кто-то может сдвинуться, переключиться или изменить интерпретативные сообщества и интерпретационные подходы? Похоже, что радикальная критика реакции читателей Фиша также не может объяснить новое понимание, которое

появляется, когда кто-то читает текст. В-третьих, за пределами интерпретативных сообществ, похоже, не существует способа оценить хорошее или плохое прочтение текста, а также хорошее или даже лучшее прочтение текста.

Фактически, согласно подходу Стэнли Фиша, согласно радикальному подходу реагирования читателей, насколько сообщество самокритично? Есть ли у сообщества место для критики самого себя, своей точки зрения и точки зрения? Есть ли способ у другого читающего сообщества или текста бросить вызов интерпретативному сообществу читателя? Существуют ли хорошие или плохие сообщества интерпретаторов? Есть ли хорошие или плохие идеи, чтения и практики интерпретации? Номер четыре, своего рода последняя прощальная мысль, — это реакция читателей. Критики, что интересно, пишут, чтобы их поняли и чтобы сообщить о своих выводах. Хотя, по-видимому, можно было бы спросить, был ли Стэнли Фиш последовательным, и его подход к реакции читателя можно было бы применить к его собственным работам и интерпретировать в свете того, как каждый хочет, так что, возможно, я мог бы читать работы Стэнли Фиша с точки зрения читателя, подтверждая, что намерение автора действительно — это правильный способ интерпретировать и подходить к библейским текстам. Но есть ли какой-либо вклад в подходы реагирования читателей на библейские тексты? Каков может быть вклад подходов реагирования читателей в толковании Ветхого и Нового Заветов в частности? Прежде всего, я думаю, что подходы к реагированию читателей напомнили нам, что мы не являемся нейтральными, объективными и пассивными наблюдателями библейского текста.

Мы не являемся чисто индуктивными интерпретаторами, просто ожидающими, чтобы впитать данные, и объективными интерпретаторами, просто ожидающими, чтобы на наших чистых листах был написан библейский текст. Но

вместо этого мы приходим к тексту с влияниями, предпосылками, перспективами и обязательствами, которые влияют на то, как мы читаем текст. Мы принадлежим к сообществам и традициям, которые влияют на то, как мы читаем текст.

Однако возникает вопрос: являются ли они определяющими? Обязательно ли это искажает то, как мы смотрим на текст? Поэтому невозможно ли, чтобы вне меня не существовало смысла, который не мог бы влиять, изменять и трансформировать способ моего мышления? Будет ли это неизбежно, будет ли это неизбежно влиять на то, как я читаю текст, моя точка зрения, мои ценности, мое собственное происхождение и т. д.? Но вместо этого текст может бросить вызов и преобразовать читателей. Мы можем обнаружить смысл вне себя. Мы не настолько ограничены своей точкой зрения и своим пониманием, что не можем найти смысл вне себя.

То есть текст — это не просто зеркало, отражающее то, что я привношу в текст, и отражающее мою интерпретацию. Но вместо этого это окно, которое, опять же, каким бы мутным, каким бы треснутым или грязным оно ни было, все же позволяет нам увидеть и проникнуть в другой мир и смысл за пределами нашего собственного. Второе понимание критики реакции читателя заключается в том, что читатель вовлечен в процесс интерпретации.

Критика реакции читателя еще раз напоминает нам, что читатель — это не просто пассивный наблюдатель, сидящий в стороне и просто наблюдающий за происходящим, но читатель активный, активно участвующий в раскрытии смысла текста. Читатель активно вступает в диалог с текстом. Итак, цель читателя состоит в том, чтобы в некотором смысле обнаружить и отождествить себя с подразумеваемым читателем в тексте, с тем идеальным читателем, которого предполагает сам текст, которого предполагает автор.

Наша цель — идентифицироваться с этим, а не просто стать пассивными наблюдателями, но и не просто найти в тексте то, что я уже привношу в него. То есть общения не происходит. В некоторых отношениях общение не происходит до тех пор, пока не будут реализованы все три аспекта процесса общения.

Автор создает текст, а читатель его читает. Вот почему авторы пишут, чтобы сообщить читателю что-то, что они смогут понять и усвоить. Таким образом, в каком-то смысле общение не происходит без интерпретации и осмысления текста читателем.

Третий вывод, который я думаю о критике реакции читателей, заключается в напоминании нам о необходимости смирения. Критика реакции читателя может вызвать у читателя смирение. Вместо того, чтобы думать, что каким-то образом я это сделал, я могу объективно усвоить данные и придумать интерпретацию, которая идеально и автоматически соответствует тому смыслу, который автор вложил в текст.

Реакция читателя напоминает мне о необходимости подходить к интерпретации со смирением, осознавать опасность моей собственной недальновидности и предположений, которые я привношу в текст. Это напоминает мне о необходимости быть открытым для выслушивания других точек зрения и других чтений, которые могут бросить вызов моим собственным. Он призывает меня быть открытым для того, чтобы текст бросил вызов, и быть готовым, как читатель, особенно в свете текста и других, кто его читал, помочь мне преодолеть мою собственную герменевтическую биопию и быть готовым увидеть других точки зрения в тексте, которые могут помочь выявить «слепые пятна» в моем собственном чтении, могут раскрыть мою собственную склонность навязывать тексту мою собственную точку зрения, идеи и ценности.

Номер четвертый, и, наконец, что касается вклада, я думаю, что одним из важных вкладов является напоминание о том, что подходы к реагированию читателя могут помочь нам, напоминая нам о роли исторического читателя и сосредоточении внимания на подразумеваемом читателе, о том, что существуют ограничения смысла. Есть ограничения на то, что я нахожу в тексте. Исторический читатель, сосредоточенный на историческом читателе, может помочь нам раскрыть то, что автор намеревался сделать с текстом в его первоначальном контексте.

Сосредоточение внимания на предполагаемом читателе может помочь нам определить, что читатель предполагал в тексте, идеального читателя, с которым, как предполагает автор, мы будем участвовать и с которым будем общаться. Итак, с этой точки зрения и с учетом этих предложений, я думаю, что критика реакции читателей может внести большой вклад в некоторых отношениях, если тщательно подходить и тщательно контролировать процесс интерпретации библейского текста. В заключение просто резюмируем, как может выглядеть подход читателя, как может выглядеть точка зрения читателя или каким может быть подходящий подход читателя к тексту.

Прежде всего, подходя к библейскому тексту как читатели, мы должны признать предположения и предпосылки, которые мы привносим в текст, а также возможность того, что они искажают и влияют на то, как мы смотрим на текст, влияя как в хорошую, так и в плохую сторону. Я уже предположил, что один из распространенных ответов многих христиан на интерпретацию текста — это предложить мне просто сесть и прочитать текст. Я подхожу к этому непредвзято и читаю текст без каких-либо предубеждений и предубеждений.

Я просто позволяю тексту говорить. Опять же, сложность этого подхода заключается в том, что он, вероятно, подвергается гораздо большей опасности исказить текст, потому что этот человек, вероятно, тогда не будет осознавать, как его или ее предположения, предрасположенности, влияния и ценности действительно будут влиять на то, как он читает. Читательский подход должен начинаться с осознания того, что мы приходим к тексту с предположениями, ценностями и пресуппозициями как часть интерпретативных сообществ, и это будет влиять на то, как мы читаем текст.

Это позволяет нам осознавать возможность искажения или даже возможность того, что это может оказаться продуктивным в том, как мы читаем текст. Как мы увидим позже в следующем занятии, временами я убежден, что есть определенные люди, особенно в странах третьего мира, особенно те, кто читает библейский текст с позиции бедности, угнетения и лишения гражданских прав. Это, вероятно, будет читать текст так, как его читали первоначальные авторы. То есть они читают из ситуации, очень близкой к ситуации оригинального библейского текста и первоначальных читателей.

Поэтому иногда предположения не обязательно искажают текст, но они соответствуют ситуации, исходной ситуации текста, исходной ситуации читателей. Это может быть продуктивно и плодотворно. Больше всего я научился за годы устного перевода, больше всего я научился у своих учеников из стран третьего мира, которые снова и снова напоминали мне о том, как и где я мог бы читать текст, вчитываясь в текст. собственный взгляд на белых мужчин среднего класса Северной Америки XXI века.

А иногда это происходит, когда мы слушаем тех, кто приехал из страны третьего мира с точки зрения угнетения, кто читает из места дислокации, читает из ситуации бедности. Они могут оказаться в таком месте, где смогут лучше понять

текст, потому что они находятся в ситуации и контексте, которые временами более точно соответствуют исходному контексту библейских авторов. И хотя я могу, опять же, это может обнаружить слепое пятно в моем собственном чтении, которое может продемонстрировать, как моя собственная культура и ситуация, снова живущая в среде североамериканского западного среднего класса, в социально-экономической среде среднего класса, могут повлиять на то, как я читаю текст.

Что приводит меня и ко второму варианту: тогда я должен позволить этим предположениям, предпосылкам и ценностям моего прошлого быть оспорены и исправлены текстом, и я бы также сказал, другими прочтениями текста, другими людьми, которые могут быть в лучшее положение, чтобы время от времени слышать это. Мне нужно быть открытым для тех, кто позволит тексту оспаривать и исправлять. В-третьих, это означает, что я должен относиться к тексту со смирением.

Опять же, здесь нет места авторитетным, авторитарным прочтениям, которые просто подтверждают и подтверждают мою власть над другими и исключают тех, кто читал текст. И, наконец, опять же, как я уже сказал, нам нужно слушать, нам нужно прислушиваться к тому, что читают другие. Нам нужно позволить прочтению других людей исправить нашу недальновидность, когда дело доходит до интерпретации текста.

Итак, повторяюсь, критика реакции читателя, если ее использовать осторожно, я думаю, является важной частью процесса интерпретации. Это помогает нам прийти к пониманию того, как мы, наше прошлое, влияние, ценности, культура и даже богословские традиции или сообщества, к которым мы принадлежим, могут повлиять на то, как мы читаем текст. Критика реакции читателя, таким образом, напоминает нам о необходимости смирения, необходимости

прислушиваться к другим голосам, но в то же время нам нужно признать, что текст все еще может исправлять нас.

За пределами нас все еще есть смысл, который может трансформировать, бросить вызов и исправить наше мышление. Критика реакции читателя, особенно более радикальные формы критики реакции читателя, тогда логически могла бы пойти еще дальше, и особенно радикальная критика реакции читателя логически переместилась бы в так называемый деконструктивизм, то есть подходы, которые выходят даже за рамки подходов читателей и обнаруживают, что существует просто смысла там вообще нет. Смысл совершенно неустойчив, тексты неустойчивы, и в результате не к чему привязать смысл.

Центра нет. Смысл тогда становится общедоступным. Иногда это сводится к немногим большему, чем просто играть с текстом и делать все, что хочется.

Затем в этом направлении начали двигаться более радикальные подходы к критике реакции читателей. Итак, на следующем занятии мы потратим немного времени на разговор о деконструктивизме как о подходе к интерпретации, который снова попадает в постструктурализм. Мы рассмотрим пару основных фигур, связанных с этим, а также оценим это, задав вопрос, какой вклад это может внести в герменевтику и интерпретацию библейского текста.

Каких опасностей следует избегать? А также кратко представить идеологические подходы к библейскому тексту. То есть мы как бы уже упоминали об этом, но читая текст из определенных мест и читая библейский текст с намерением критиковать его идеологию, ценности и точки зрения, которые его породили. И опять же, особенно обращая внимание, например, на феминистское прочтение библейского текста.

И снова, просто чтобы познакомить вас с тем, в каком направлении движется герменевтика и интерпретация. И всегда с критическим взглядом спрашивая, в чем может быть ценность этого подхода, а также недостатки и опасности. Итак, на следующем занятии мы обратимся к деконструктивизму, а также к идеологическим подходам к интерпретации.